

М. В. Первушин

**Витовт Великий: репрезентация образа князя
в литовско-белорусском летописании**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10007

Аннотация: Статья посвящена анализу литературоведческого аспекта репрезентации образа Витовта Великого в позднесредневековой хронографии. Образ Витовта изучен на основании летописей и хроник Великого княжества Литовского, опубликованных в 32 и 35 томах «Полного собрания русских летописей». Делается вывод, что в источниках раскрыта цельная личность Витовта как последовательного и методичного государственного стратега, смелого воина, умного и проницательного политика. Именно Великий Витовт лучше всех сумел воспользоваться предоставленными историей возможностями и открыл миру Литву как могучее государство. Образ Витовта сопоставлен с образом великого князя Дмитрия Донского, прославленного в лике святых, и во многом схожего с Витовтом.

Ключевые слова: Витовт Великий, Великое княжество Литовское, репрезентация, летописи, хроники, Дмитрий Донской, Литва, Русь.

Об авторе: **Михаил Викторович Первушин**

кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории и филологии Московской Духовной Академии.

E-mail: 1609pm@gmail.com

Ссылка на статью: Первушин М. В. Витовт Великий: репрезентация образа князя в литовско-белорусском летописании // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 93–105.

M. V. Pervushin

**Vytautas the Great: an Image Representation of the Prince
in Lithuanian-Belarusian Annals**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10007

Abstract: The article is devoted to the analysis of the literary aspect of the representation of the image of Vytautas the Great in late medieval chronography. The image of Vytautas was studied on the basis of chronicles and chronicles of the Grand Duchy of Lithuania, published in volumes 32 and 35 of the Complete Collection of Russian Chronicles. It is concluded that the sources reveal the whole identity of Vytautas as a consistent and methodical state strategist, a brave warrior, an intelligent and insightful politician. It was Veliky Vytautas who was best able to take advantage of the opportunities provided by history and opened the world to Lithuania as a powerful state. The image of Vytautas is compared with the image of Grand Duke Dmitry Donskoy, glorified in the face of saints, and in many ways similar to Vytautas.

Keywords: Vytautas the Great, Grand Duchy of Lithuania, representation, annals, chronicles, Dmitry Donskoy, Lithuania, Russia.

About the author: **Michail Victorovich Pervushin**

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of church history and philology of the Moscow Theological Academy.

E-mail: 1609pm@gmail.com

Article link: Pervushin M.V. Vytautas the Great: an Image Representation of the Prince in Lithuanian-Belarusian Annals. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 93–105.

Людам свойственно отыскивать в прошлом объяснение настоящему. А тем более дорого всякой земле видеть, как сила духа, которой издавна она отличалась, не угасла, но переходила из рода в род, и как веяние этой силы по временам воплощалась в особенно ярких образах, личностях, событиях.

Речь пойдет об одной из таких личностей — о литовском князе Витовте, который еще от своих современников получил прозвище «Великий»¹. Редко кому достаются такие эпитеты при жизни, что порождает к таким историческим личностям повышенный интерес впоследствии. Характерна и обратная сторона такой славы — стремление найти в ней неправду, выражающуюся в негативной оценке, свойственной определенному пласту научной или околонучной литературы («К Витовту народ Великого княжества Литовского стал относиться с презрением»²). Исследований, посвященных истории Великого княжества Литовского, князю Витовту, различным тонкостям и интерпретациям событий, в нем и с ним происходивших, на польском, литовском, белорусском, английском, немецком, русском языках очень много. В то же время, работ, посвященных литературоведческому аспекту изучения этого материала, в которых раскрывался бы образ князя (его репрезентация), очень немного.

Несколько слов о понятийном аппарате. Репрезентация — русское слово «представление» — имеет несколько значений, которые можно обозначить английскими эквивалентами: show, performance, presentation, submission, introduction, idea, notion, conception и др. И потому латинское слово «репрезентация», как слово с более конкретным значением, часто используется в современном русском языке. Под этим словом будем понимать указание на опосредованное отражение, в котором объект замещается так называемым означающим, т. е. воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с возможными изменениями представляемой информации вследствие влияния времени, состояния памяти, эмоционального расположения и других факторов в момент первичного восприятия данных и их дальнейшего воспроизведения. Наиболее совершенной и компактной формой означающего является знак (т. е. слово).

Несколько слов об источниках. Репрезентация того образа Витовта, который видели в нем его младшие современники или ближайшие потомки, была произведена по летописям и хроникам Великого княжества Литовского. Все они изданы в 32 и 35 томах «Полного собрания русских летописей»³. 32 том содержит летописи и хроники, содержащие историю Великого княжества Литовского в целом, а также отдельных областей. Наиболее пространные из них «Кройника литовская и жмойтская» и «Хроника Быховца». Две летописи — «Баркулабовская» и «Панцырного и Аверки» — излагают главным образом обстановку в отдельных городах или районах княжества, входящих ныне в состав Белоруссии. В 35 томе помещены белорусско-литовские летописи. Всего их 15: старейшие из них Никифоровская, Супрасльская, Виленская, а также Академическая, Археологического общества, Origo regis, Красинского, Ольшевская, Евреиновская, Рачинского, Румянцевская и другие. Каждая имеет свои археографические особенности, практически каждая (кроме Слуцкой) являлась частью

¹ Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Вильнюс, 2013. С. 48: «Восхищение современников и преклонение перед ним вылилось в его прозвище «Великий», и еще: «Култ князя Витовта зародился еще при его жизни» (С. 57).

² Костюченко П. Отношение великих князей Литовских к православию до Люблинской унии 1569 г. ВКР на бакалавриате МДА по кафедре церковной истории. Машинопись. Сергиев Посад, 2017. С. 36.

³ ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975; ПСРЛ. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. Далее в ссылках на источники, помимо указания тома, будут включать названия летописи.

какого-либо сборника, где, наряду с летописями, присутствовали еще произведения гимнографического, агиографического жанра и/или художественная литература. Среди изданных летописей только о Виленской и Могилевской можно с уверенностью сказать, где они были написаны, о месте возникновения других ничего неизвестно. Некоторые из них в начальной части представляют собой летописи общерусские и лишь в конце содержат записи по истории Великого княжества Литовского («Литовского, Руского и Жемоитцкого» — как обычно именуется это государство в летописях). Другие, наоборот, в основной части посвящены истории Великого княжества Литовского, а общерусские материалы находятся в конце и занимают немного места. Ряд летописей не имеет ни начала, ни конца, и поэтому сказать, что они представляли собой в полном объеме, сейчас невозможно.

Хронологические известия, содержащиеся в летописях и хрониках, охватывают события с времен легендарных (начало нашей эры) и до, самое раннее, середины XV века, а самое позднее — 60-х годов XVIII столетия. Ценность этого издания велика. Во время Второй Мировой войны погибла летопись Красинского, еще ранее исчезла Ольшевская и Быховца. Остались только их воспроизведения в этом сборнике. Большинство летописей написано на старославянском языке с региональными особенностями (старобелорусский), Ольшевская летопись — на польском, *Origo regis* — на латинском, хроника Быховца — латинским шрифтом, но все эти произведения так или иначе являются переводами со старобелорусского. Таким образом, это почти все известные на сегодняшний день произведения летописного характера, содержащие историю Великого княжества Литовского и отдельных его областей, и написанные, что немаловажно, на территории этого государства.

Образ Великого Витовта, открывающийся на страницах перечисленных произведений, начинается со знакомства с его родителями. Это важно для понимания последующих поступков Витовта. Наиболее подробно говорится о них в Евреиновской летописи. Отец Витовта — князь Кейстут — глубоко благородный человек, имеющий твердые нравственные принципы, основанные на любви и честности, знающий не понаслышке о доверии и дружбе. Его отношения к брату Ольгерду удивляют и радуют своей искренностью и правильностью, можно сказать, цивилизованностью, несмотря на приверженность князя к язычеству (стоит только сравнить с ним соседних «христианских» князей с их непрерывной борьбой за власть, удельными усобицами, лукавством, обманом и жестокостями). Так, заняв Вильно, князь Кейстут сообщает об этом Ольгерду, дожидается его и уступает княжение. «А яз с тобою заодно живу» — говорит он старшему брату⁴. По смерти Ольгерда, «не хотя брата своего обету изменяти»⁵, Кейстут сажает на великое княжение своего племянника Ягайло. Случай крайне неординарный, который не вызывает ассоциаций ни с каким из князей Киевской Руси, разве только с Владимиром Мономахом, и то лишь отчасти, т. к. последний уступал своим братьям, а не их детям.

О молодом Витовте большинство летописей молчит. Есть только одно свидетельство об удалом, смелом воине в «Кройнике литовской и жмойтской»: «Витолт сын Кестутов млодзенец удатный, сердца смелого, до войны охочого, выправкою першою своею на войну сам през себе тянул до Прус (на полях приписано: Витолт Прусы звоева, сплюндровал). Евстерборк замок и волости его побурил, а загоны роспустивши аж до Тарнова велми спустошил огнем и мечем, а с користию великою, без утраты войска своего з звитязством до отца своего вернулса»⁶. Здесь есть главное, что дает

⁴ ПСРЛ. Т. XXXV (Евреинова). С. 223.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 62–63.

нам право говорить о внимании и заботе Витовта к своим людям — его смелость и удалство распространялось только до определенных границ, за которыми стояла опасность «утраты войска своего». Личные примеры благородства и честности Кейстута не могли пройти бесследно и сыграли одну из главных ролей в процессе формирования личности его сына Витовта. Это будет видно на тех примерах, которые приводятся в источниках на протяжении всей его жизни. И первое свидетельство приведено в «Кройнике литовской и жмойтской». В нем говорится об отношении отца и сына: «А Кестут также в Витолте над инших сынов своих кохался, иж отцевских обычаев наследовал»⁷.

Унаследовав от отца честность и благородство, Витовт переносил веру в порядочность людей и на свое окружение. Именно поэтому он долго не мог поверить слухам, которые доносил до него отец, что Ягайло «с немьци... на нас полно стали»⁸. А когда, наконец, раскрылась правда и обнаружилась переписка Ягайло с немцами, то Витовт был так потрясен и пристыжен, что «за одинь день приженеть из Городна ко отцю своему Кестутию»⁹. Это примерно 200 километров по прямой. Для XIV столетия, чтоб преодолеть такое расстояние за день, надо было загнать не одну лошадь.

Но человека тяжело изменить. И мы наблюдаем, как Ягайло обманом заманивает Витовта и его отца в очередную ловушку, в которой уже сам Витовт выступает гарантом честного слова брата. Жалея своих воинов (еще одна черта, которую можно наблюдать в течение всей жизни великого князя), он соглашается решить усобицу с Ягайлом мирным путем и «со отцемь своимь, великимь княземь Кестутиемь, обадва поеде в рать ко Яглу, надияся на тыи правды. Князь же великийи Ягайло переступил»¹⁰. В результате такого доверия гибнет Кейстут, а самому Витовту только чудом удается избежать смерти.

И после этого вновь всё повторяется. Князь Ягайло убил его отца, чуть не погубил самого Витовта. Витовт все же сумел бежать, собрал войско, а потом смирился перед братом и не стал воевать, хотя мог бы разбить его совершенно. Вот как об этом повествует летопись Красинского: «Великому князю Якгайлу и князю Скиргайлу, не мочучи стояти против князю великому Витовту, заню же ужо у князю великого Витовта болшая сила тогды собралася была. Тогды князь великийи Якгайло препросить князю великого Витовта и дасть ему Луцко со всею землею Волынскою и с Подолем, а в Литовской земли отчина его»¹¹. Другой летописец «Кройнике литовской и жмойтской» уточняет, как Ягайло «препросит» Витовта: «кланяючися, ставился ласкаве, Oferуочися ему во всем быти зычливым... поеднал и принял з ним товариство»¹². Князь же «великийи Витовт покору свою учинил перед старшим братом своим, князем великим Якгайлом и принял Луческ со всею землею Волынскою»¹³.

В итоге Витовт примирился с братом «и тому с нимь во велици любви живуци»¹⁴, — пишет уже автор Супральской летописи, который щедр на это слово — «любовь» — по отношению к Витовту. С ним все окрестные князья (далекие и близкие) живут в любви и почитании. Летопись называет практически всех соседей Великого княжества, подчеркивая любовь каждого к Витовту отдельно, а потом заключает в целом: «И еще же писахом зде иньи во велици любви живуци с нимь, а ини

⁷ Там же. С. 63.

⁸ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 62.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 135.

¹² ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 69.

¹³ ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 135.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 59.

крипко служахоть ему, славному господарю, и честь велику и дары велики, и дани многи приносяхуть ему, не токмо по вся лета, но и по вся дни»¹⁵. И еще: только в этой летописи Витовт упоминается исключительно с эпитетом Великий — князь или просто великий Витовт¹⁶.

А если смотреть в целом, то многие авторы или писатели подчеркивают любовь и уважение общества к князю: к нему с радостью едут «многи князи и бояре литовьскыи»¹⁷, у него собирается «сила великая» ему в помощь¹⁸, за него просят «панове литовские и мистрове крижацкии, абы был выпушчонный»¹⁹, когда он попал к Ягайлу в заточение, а когда узнают, что он идет сесть «в Вилни, в Литве, на великомь княженьи, на столе дяди своего великаго князя Олгирда, и отца своего, великаго князя Кестутия... рада была ему вся земля Литовьская и Руская»²⁰. Народную любовь подытоживает «Кройника литовская и жмойтская»: «Витолт, яко мужный и на всем был делный и промыслный довцепу (довцету) великого..., своєю делностю и мензством всему свету славным был»²¹.

И Витовт платил обществу тем же. Забота о ближних, внимание к войску, попечение о своих людях, охранение и отстаивание их прав и интересов отличала Витовта от многих его современников. Он был готов за четверых ограбленных московскими холопами «севруков литовских», у которых «двох бобров и меду кад взяли, сокер две и три серяги зодрали», идти войной «до зятя своего князя московского... справедливость просячи»²². Витовт Великий не давал в обиду слабым и гневался на несправедливость. Его обостренным чувством правды пользовались. Так, например, когда у Ягайло убили наместника Витебска, он стал жаловаться Витовту и просить «иж бы той его жалости месть сотвориль»²³. И Витовт «совокупи вои много и поиде ратию ко граду Витебьску»²⁴.

Когда родной брат Ягайло Скиргайло Ольгердович был отравлен в Киеве неким монахом Фомой Изуфовом, Витовт велел отыскать виновного, а узнав о смерти последнего, «казал тело з гарматы выстрелити на Днепр»²⁵.

В летописях просматривается и еще одна крайне редкая, если не сказать исключительная, княжеская черта: Витовт умеет уступать, если его просят близкие ему люди. Он способен поделиться славой, честью, войском, даже землями, за которые он проливал кровь свою и своих людей. Вот, пример: «Подольская земля не хотела послушна быти князя великаго Витовта и Литовской земли, как же пред тым послушна была. И князь великый пошел со всеми силами литовскими к Подолию... и вси городы позаседал... А добыл литовскими силами, а никто ему ни с которых сторон не помогали»²⁶. Когда Подолье было усмирено, тогда Ягайло «почаль просити князя великаго Витовта, рекучи: «Милый брате, дал тебе Бог, добыл еси Подольской земли, учини ми тую честь, дай ми Подольскую землю»»²⁷, «на славу мою, — добавляет другой

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 135; ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 63.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 69.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 64.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 71; ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 136–137.

²¹ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 80.

²² Там же. С. 77. См. хронику Быховца: Хроника Быховца. М., 1966. С. 77.

²³ ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 71.

²⁴ Там же.

²⁵ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 71.

²⁶ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 66.

²⁷ Там же.

летописец, — и короны Полской разширена»²⁸. Витовт соглашается. За такой подарок Ягайло дает ему «дватцетъ тысячей коп», но через некоторое время поняв, что земли надо «боронити от татар», а такой возможности нет, просит обратно «Витолта, абы гроши вернул, а города Подолские себе отобрал, що князь Витолт зараз учинил»²⁹.

Еще одна просьба была исполнена Витовтом, что доставило ему много неприятностей. Речь идет о походе Витовта против татар и его обещании «Тактомиша обещал посадити на столицы, выгнавши Темертиклуя»³⁰, в котором князь потерпел сокрушительное поражение. Что же тогда случилось? Во всех источниках повторяется фраза: «похваляся на орду Витовт... и попусти Бог татаром»³¹. Объяснение поведения Витовта есть только в одной летописи «Кройнике литовской и жмойтской»: как только Витовт с войском увидел татар, «страх проникл през кости гуфов Витолтовых»³² и князь «послал зараз ... до татар о мире, на що татаре зараз призволили». На этом могли бы и разойтись. Однако «молодые панята русские», охочие до боя, «лаляли старых, мовячи: «Мы хочем битися а не мирити; битися пришлисмо»». Хотели поести всех татар, так их зухвалство перемогло, — пишет далее летопись. — Шаблы в руках голые держачи волали: «Битися»». Такими речами они развеселили Витовта, быть может, он увидел в них себя, молодого «сердца смелого, до войны охочого». Витовт соглашается и уступает им, говоря «веселю мовою»: «Поневаж вижу вашего рицерства цноту, и тую до бою смелость, и мужное сердце, тылко сполне мужество свое окажете...». Однако первое решение Витовта о мире было более верным. Многие погибли в этом сражении, сам великий князь едва спасся. Больше Витовт не поддавался таким уговорам, хотя летопись и фиксирует еще один случай, уже упомянутый, когда из-за четверых ограбленных московскими холопами «севруков литовских» чуть не началась война Витовта с его зятем московским князем Василием Дмитриевичем. Тогда один из воевод Витовта пан Андрей сказал великому князю: «Это не настоящий мир, потому что между государями и кровопролития не было»³³. На это Витовт сказал: «Милый брат, что произошло, того уже не вернуть, и я своего слова никоим образом отменить не хочу, пускай уже будет мир»³⁴.

Касательно дел государственных, Витовт выступал активным и главное успешным собирателем земель от Балтики до Черного моря. Вся его жизнь, согласно летописным известиям, была посвящена непрерывным сражениям по отстаиванию государственных интересов Великого княжества Литовского — он покорял, присоединял, объединял, старался подчинить или уберечь свои владения. Кроме того, Витовт всегда брал на себя обязательства защищать своих вассалов от врагов и честно держал клятву. Показателен в этом случае пример со Смоленским княжеством, которое доставило больше всех хлопот Витовту. Несколько раз ему пришлось усмирять Смоленск, «увевшиися жалостю»³⁵, так как его людей «смоляне забивали» насмерть. С непокорными Витовт сначала всегда мягок³⁶, но с несдержавшими слово верности — строг и суров.

²⁸ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 72; ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 66 и др.

²⁹ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 72.

³⁰ Там же.

³¹ См., например: ПСРЛ. Т. XXXV (Никифоровская). С. 31 и др.

³² ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 76.

³³ См. хронику Быховца: Хроника Быховца. С. 77.

³⁴ Там же.

³⁵ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 77.

³⁶ Витовт, требуя послушания от вассального княжества, сначала направил посольство, потом пришел сам, но он не просто забрал Смоленск, а оставил князя «в обойме», не без удела, а веря ему, дал другой город: «Князю Глебу сеядяци во Смоленсте и нача не в послушани быти

И такой подход, как правило, самое лучшее средство государственного управления, пишет летописец, так как после подобного вразумления не бывает «болше уже бунтов»³⁷. Требование к вассалам у него одно — быть верными ему и Великому княжеству Литовскому, а он не подведет.

Это хорошо иллюстрирует и Грюнвальдская битва. Согласно источникам, Витовт был одним из главных действующих фигур сражения³⁸, и это бесспорный факт. Однако в «Хронике литовской и жмойтской» и особенно в «Хронике Быховца» утверждается, что под Грюнвальдом Орден был разгромлен силами практически одного Великого княжества Литовского. Вот что говорится в «Хронике»: «Литва з татарами з великою прудкостю скочили на немци и сточили з ними битву, же конь об коня боком отирался. Витолт там и сам бегаючи, своих напоминает и шики правует»³⁹. А вот в «Хронике Быховца» Витовт, видя, что войско его гибнет, а поляки никакой помощи им не оказывают, разгневанный примчался к своему брату королю Ягайлу, когда тот слушал мессу. Витовт был вне себя: «Ты мессу слушаеш, а князья и паны братья мои едва не все убитые лежат, и твои люди никакой помощи им оказать не хотят». Согласно «Хронике Быховца» Ягайло ответил: «Милый брат, ничего поделать не могу, потому что должен дослушать мессу»⁴⁰.

Можно объяснить подход автора «Хроники Быховца» к преднамеренному искажению обстановки его православным вероисповеданием, которое убедительно доказал Н. Н. Улащик⁴¹. Другие летописи несколько с других позиций освещают эти события, указывая, что Ягайло молился⁴², пока шла битва, послав (после приезда разгневанного брата) на помощь Витовту свои полки. Но в целом на этом примере хорошо видна забота великого Литовского князя о своих людях.

Если же говорить о помощи Божией, то летописцы не скупятся на этот топос при упоминании Витовта и его дел. Фраза «Бог поможе великому князю Витовту» встречается как никогда часто, особенно отличается этим Супральская летопись⁴³, за ней идут Слуцкая, Вилинская, Румянцевская, летописи Красинского, Рачинского, Археологического общества и другие⁴⁴. Интересны и различные варианты этого топоса: «Божией помощью великого князя Витовта повелением»⁴⁵, или «Божиею силою ту немало чудо сотворися, избито бысть вой много»⁴⁶, или «Бог поможе по пророка Давыдову слову, реченому»⁴⁷ (и далее цитата из псалма: «Обратися

великому князю Витовту. Князь же великий Витовт послы своя слаша о справлении, онь же не всхоте исправитися. Тогда князь великий Витовт поиде со всеми силами ко городу Смоленску, тако вдасть ему Глеб и з градом Смоленским. Князь же великий Витовт вда град Смоленск держати князю Манту и Василию Бореиковичю, а князю Глебу вдасть город Полоны» (ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 65; ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 71).

³⁷ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 77; ПСРЛ. Т. XXXV (Никифоровская). С. 31.

³⁸ *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. С. 50–53.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). С. 78.

⁴⁰ Хроника Быховца. С. 79

⁴¹ Улащик Н. Н. Предисловие // Хроника Быховца. С. 27–28.

⁴² Хорошо контрастирует два слова «слушать» у православного хрониста и «молиться» у прочих.

⁴³ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 65.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXXV (Археологического общества). С. 100; ПСРЛ. Т. XXXV (Рачинского). С. 157–158; ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 136 и др.; тоже в: ПСРЛ. Т. XXXV (Румянцевская). С. 205 и др.; ПСРЛ. Т. XXXV (Виленская). С. 89 и др.; ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 71 и др.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 65.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 64; ПСРЛ. Т. XXXV (Слуцкая). С. 70.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XXXV (Археологического общества). С. 100.

болезнь его на главу его, на верх его неправда его снидет». И потом рече: «Ров изрыи ископаи, впадется в яму, юже сотвори»), или «поможет Бог святыми словесы князю великому Витовту»⁴⁸, или слова Витовта: «Мы же идемь на него, надеючися на Бога и на крестную силу»⁴⁹ и т. п. Встречается также молитва князя: «Боже Вышний, помози нам на неприятели наши, а што хто сеестья, то и жнет. Мы зла никому не вчинили, он с нами у докончании будучи и в твердой присяге, и переступил свою присягу и нашу землю воюет, и кровь христианскую проливает»⁵⁰.

Вообще религиозность князя Витовта, своя, особая, свойственна ему с детства, от матери ли, которая была вайделоткой или жрицей, как отмечают хроники, или от отца, который видел в счастливом случае волю Бога, и поучал сына: «Бог насъ остерегл»⁵¹. Касательно его нескольких крещений — в латинство и православие — вопрос уже раскрыт и исследован. А. И. Барбашев бесспорно доказал на основании анализа грамот, актов и подписей к ним, что Витовт крестился в православную веру и принял имя Александр уже после крещения в католичество⁵². Красноречивым памятником, доказывающим, что Витовт Великий скончался в православии, служит синодик Киево-Печерского монастыря, составленный в 90-е годы XV века, с удивительным сочетанием имен поминаемых князей: среди великих князей, именами которых и открывается синодик, встречаем киевского князя Владимира, литовского Ольгерда, Витовта и целый ряд московских — Дмитрия (по-видимому, Донского), Данилу, Ивана (Калиту), Семена (Гордого)⁵³.

Еще одним косвенным свидетельством православности Витовта была его супруга Анна, которая приняла православие, уже будучи замужем⁵⁴, да и свидетельство современника Витовта магистра тевтонского ордена Конрада Юнгингена о том, что в Великом княжестве Литовском проповедь католичества не имеет успеха, так как жители более принимают православие, явно в пользу великого князя⁵⁵.

Безусловно, Витовт Великий не был ни богословом, ни религиозным мыслителем, чтобы разбираться в обрядово-догматических спорах между двумя ветвями

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXXV (Рачинского). С. 157–158.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XXXV (Археологического общества). С. 100. Правда, некоторые летописцы приписывают ее брату Витовта Скиргайло (например, см.: ПСРЛ. Т. XXXV (Рачинского). С. 157–158).

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 62.

⁵² Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб., 1885. С. 135–137.

⁵³ Пополнение этого синодика продолжалось всю первую треть XVI в. Здесь в основном записаны выходцы из городов Украины и Белоруссии, а также выехавшие из Московской Руси в Великое княжество Литовское, но имеются имена князей и бояр московских (среди них родители Ивана III — Василий Темный и Мария Ярославовна, правнучка Ольгерда, Иван Иванович Молодой, потомки Феодора Бяконта и другие). См.: Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Киев, 1892. Кн. 6. С. 1–69; ср.: *de Vitte E. I.* Древний помянник Киево-Михайловского (Златоверхого) монастыря (XVI–XVII вв.) // Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Киев, 1903. Кн. 17. Вып. 1. С. 8–9; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 247 слл.; *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пацуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. М., 1982. С. 146–147.

⁵⁴ Об этом есть указания у Эдвардаса Гудавичюса в его «Истории Литвы с древнейших времен до 1569 года», но ссылки на источники отсутствуют, что предполагает перспективу дальнейшей работы в этом направлении исследования (*Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. Б. м., 1999. С. 159.)

⁵⁵ См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 12 т. Кн. 3. Т. IV. СПб., 1883. С. 87.

христианства. Он был, скорее, далек от этого, чуждого и непонятного, т. к. в первую очередь был воином и политиком, и прекрасно понимал и осознавал, что единому государству, единому в нем обществу просто необходима и единая Церковь. Витовт заботился не о католиках или православных, а о разнородных подданных, сближению и объединению которых он способствовал, старался даровать им по возможности равные права, почему и давал одновременно льготы и православным, и католикам, и евреям⁵⁶. Интересно, что лет 20 спустя после смерти Витовт Великий прославляется за свою заботливость о православных, и прославляется именно в Московском княжестве. В послании святителя Московского Ионы, первого автокефального русского митрополита, Верейскому князю Михаилу Андреевичу с жалобой на вышегородских соборных попов и горожан об обиде митрополичьего десятника, ставится в пример Витовт: «Не неведомо же тебе, моему сыну и се, что князь Великий был Витовт... вьспроси, какво бережение дают и какую честь дръжат? А сии православные христиане... наругаются и безчествуют церковь Божию и нас»⁵⁷.

Не будем сейчас затрагивать очень важную и очень интересную тему независимой Церкви, которую попытался организовать и организовал Витовт, только лишь скажем несколько слов об образе, который вырисовывается у летописцев в связи с церковной деятельностью великого князя.

В первую очередь, Сам Бог попустил князю «умыслить» Киеву митрополита⁵⁸. Более того, летописцы ставят страшное явление природы (солнечное затмение) в обратную зависимость с решением князя, т. е. сначала случилось «знамя великое... слонце потемнело, страх был великий на землю Рускую. Того же лета Москва вся згорела и Смоленск»⁵⁹, а уже после этого, как знак свыше «князь великий Витовт собрал тогда вси владыки Литовское земли... и тыми владыками поставил у Великом княжестве Литовском митрополита»⁶⁰.

В целом, в источниках раскрывается цельная личность великого мужа, последовательного и методичного государственного стратега, смелого воина, умного и проницательного политика. Именно Великий Витовт лучше всех сумел воспользоваться предоставленными историей возможностями и открыл миру Литву как могучее государство⁶¹. Современник Витовта орденский сановник граф Конрад Кибург писал, что «среди людей нашего времени было общее широкое и принятое мнение, что никакого современного правителя нельзя сравнить с Витовтом, что ни один не превосходит его ни великодушием, ни умением действовать. Он первый славой свершенных дел и популярностью своих свершений вынес на свет и вывел из тени... свою Отчину»⁶². Именно во времена правления Витовта Великое княжество Литовское фактически превратилось в империю, а его реформы были радикальными даже по меркам того времени. И здесь заслуга политики Витовта в том, что «Великое княжество Литовское вошло в историю не как тюрьма или плавильный котел, а как колыбель для народов — литовского, белорусского и украинского... В этом заключается важнейшая особенность империи Великого Витовта»⁶³.

⁵⁶ См.: Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). С. 134–135.

⁵⁷ АИ. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841. С. 99.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXXV (Никифоровская). С. 33; ПСРЛ. Т. XXXV (Слущкая). С. 73.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXXV (Красинского). С. 140.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. С. 47–48.

⁶² Смирнов М. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 2. Вып. 1–6. Одесса, 1868. С. 1–265.

⁶³ Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. С. 50.

Возвращаясь к источникам и репрезентации образа Витовта, можно добавить, что его образ проступает не сухим и отвлеченным, словно трафарет, а очень живым и эмоциональным. Витовт на страницах летописей и радуется за свое спасение, за мудрость своей жены, и переживает за Литву, за свое воинство, и раздражается за непослушание, и гневается на врагов и предателей, он смеется и подтрунивает вместе с молодыми, он бывает религиозен и молитвенен, он любвеобилен, богат и щедр. Созвав к себе весь свет мировой политики — великих князей, королей, императоров, — он семь недель кормил их, «а на день шло оброку по триста бочок меду, а яловиць по триста жь, а боранов и вепрев по триста»⁶⁴. «Сии же великий князь Александро, зовемыи Витовъть, во великой чести и славе пребываше», — заключает Супральская летопись⁶⁵.

У Витовта Великого, не имевшего королевской короны, было больше власти и почета, чем у многих европейских королей того времени. Об этом свидетельствует и «Похвала Витовту», имеющаяся во многих летописях. Этот панегирик в честь Витовта часто сравнивают с похвалой Дмитрию Донскому⁶⁶. Можно долго и много рассуждать о реальных параллелях этих двух произведений или их отсутствии, но одно можно сказать с уверенностью — есть много, даже очень много, общего между этими двумя князьями, кроме, пожалуй, одного — Дмитрий Донской в 1988 году был прославлен в лике святых Русской Церкви, а Витовт — нет.

Церковь всегда старалась проявлять осторожность к процессу канонизации, подчеркивая необходимость тщательной ее подготовки. Канонизация Дмитрия Донского вызывала вопросы в связи с его непростыми отношениями со священноначалием и отсутствием традиции его народного почитания именно как святого. В последние 50 лет перед канонизацией имя князя Дмитрия часто звучало в патриотических посланиях Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия рядом с именем святого Александра Невского. Разумеется, здесь можно вспомнить танковую колонну «Дмитрий Донской», средства на которую, наряду с эскадрильей «Александр Невский», собирались верующими в годы Великой Отечественной войны. Но тогда речь шла о стремлении Церкви встроиться в провозглашенный Сталиным патриотический дискурс, в котором фигурировали имена знаменитых князей-патриотов, то есть приоритет все же оставался за светскими мотивами. Здесь же можно вспомнить и всеобщий ажиотаж вокруг 600-летия Куликовской битвы, праздновавшегося в 1980 году. Именно с этого юбилея началась подготовка к общецерковному прославлению князя Димитрия⁶⁷. На протяжении 600 лет в церковной памяти была увековечена как раз

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XXXV (Никифоровская). С. 34; ПСРЛ. Т. XXXV (Слущкая). С. 75.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXXV (Супральская). С. 59.

⁶⁶ См.: Jakubowski J. *Studia nad stosunkami narodowosciowymi na Litwie przed unia Lubelska*. Warszawa, 1912, s. 25; Паушто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 67–68; Улащик Н. Н. «Литовская и Жмойтская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского // Славяне и Русь. М., 1968. С. 357–365.

⁶⁷ Первым шагом к канонизации Дмитрия Донского явилось Определение Святейшего Патриарха Пимена от 10 июля 1981 года. В этот день в церковный календарь было внесено празднование в честь Собора Радонежских святых, а в качестве собеседника преподобного Сергия отличился князь Димитрий. Так в русский церковный календарь (пока лишь как местное празднование) было впервые внесено имя святого благоверного великого князя Дмитрия Донского. Шесть лет спустя после Определения Святейшего Патриарха Пимена, 3 июня 1987 году, по его же благословию было установлено празднование соборной памяти Всех святых, в земле Тульской просиявших. Поскольку Куликово поле находится в пределах Тульской епархии, то при установлении празднования имени подвижников и мучеников, связанных с Куликовской битвой, были также включены в соборную память. Уже тогда местное празднование благоверному великому князю Дмитрию Донскому было установлено в Тульской епархии.

лишь Куликовская битва и учрежден особый день ежегодного поминовения в ней убиенных — Дмитриевская суббота (накануне дня памяти святого воина Димитрия Солунского), а вот полководец русского войска-победителя всегда стоял особняком и был за скобками церковного и даже народного почитания, имея о себе только уже упоминавшуюся Похвалу.

Если слегка перефразировать мысль Г. П. Федотова, убрав из его рассуждения региональный акцент, то получится следующее: «В наших святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной нашей родины: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути»⁶⁸. Святой Епифаний Премудрый, ученик преподобного Сергия Радонежского (оба они были современниками великого князя Витовта), доносит до нас пророческие слова своего аввы: «Единением и любовью спасемся». Смысл этой формулы раскрывается в дошедших до нас словах преподобного игумена о том, что единомыслие — это значит согласие мыслей и, конечно, действий, подчиненных одной общей цели, одной общей идее. По мнению Святейшего Патриарха Кирилла, самая главная заслуга преподобного Сергия состоит в том, что он предложил своему народу как любовь, так и единомыслие, столь необходимые во время общественной смуты⁶⁹. Именно то же самое предложил великий князь Витовт своему народу, всей своей жизнью и всеми своими делами продемонстрировав непоколебимую веру в эту формулу жизни своего народа и государства.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841.
2. *Барбашев А.* Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). СПб., 1885. С. 135–137.
3. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
4. *Витте Е. И., де* Древний помянник Киево-Михайловского (Златоверхого) монастыря (XVI–XVII вв.) // Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Киев, 1903. Кн. 17. Вып. 1.
5. *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца. Киев, 1892. Кн. 6. С. 1–69.
6. *Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. Б. м., 1999.
7. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Выступление на праздновании 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде // Официальный портал Русской Православной Церкви: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3692168> (дата обращения: 15.05.2019).
8. *Костюченко П.* Отношение великих князей Литовских к православию до Люблинской унии 1569 г. Выпускная квалификационная работа на бакалавриате Московской духовной академии по кафедре церковной истории. Машинопись. Сергиев Посад, 2017.
9. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 12 т. Кн. 3. Т. IV. СПб., 1883.
10. *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М.: АН СССР, 1959.

⁶⁸ *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1991. С. 27.

⁶⁹ *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Выступление на праздновании 700-летия преподобного Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде // Официальный портал Русской Православной Церкви: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3692168> (дата обращения: 15.05.2019).

11. Полное собрание русских летописей. Т. XXXII. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975.
12. Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские / Сост. и автор предисл. Н. Н. Улащик. М.: Наука, 1980.
13. *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 2. Вып. 1–6. Одесса, 1868. С. 1–265.
14. *Улащик Н. Н.* «Литовская и Жмойтская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского // Славяне и Русь. М., 1968.
15. *Улащик Н. Н.* Предисловие // Хроника Быховца. М.: Наука, 1966.
16. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1991.
17. *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Пашута В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. М.: Наука, 1982.
18. Хроника Быховца. М.: Наука, 1966.
19. *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013.
20. *Jakubowski J.* *Studia nad stosunkami narodowoscowymi na Litwie przed unia Lubelska.* Warszawa, 1912.